

На правах рукописи

ДОЛГОВА ЕВГЕНИЯ АНДРЕЕВНА

**СОВЕТСКОЕ НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО В 1918-1934 ГГ.:
СОЦИАЛЬНЫЙ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ, ПУБЛИЧНЫЙ
АСПЕКТЫ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 2020

Работа выполнена на кафедре истории России новейшего времени федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГБОУ ВО РГГУ)

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
ЕРШОВА ГАЛИНА ГАВРИЛОВНА

Официальные оппоненты:

ВАЛЬКОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук» (ИИЕТ РАН), отдел историографии и источниковедения истории науки и техники, ведущий научный сотрудник.

МИРОНОВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ - доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Институт истории, кафедра источниковедения истории России, профессор.

ЧЕРНОБАЕВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ - доктор исторических наук, профессор, федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив социально-политической истории» (РГАСПИ), Центр документальных публикаций, главный специалист.

Ведущая организация: федеральное государственное автономное учреждение высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (УрФУ)

Защита состоится «29» мая 2020 г. в 14.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 212.198.07 (исторические науки), созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125993, Москва, ГСП-3, Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу: 125993, Москва, ГСП-3, Миусская пл., д. 6, а также на сайте РГГУ по адресу: http://www2.rsuh.ru/binary/object_6.1575978766.621.pdf

Автореферат разослан «_____» _____ 20_____ г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Барышева Елена Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

В исторической науке последних лет наметилось несколько тенденций, корректирующих привычный познавательный ракурс исследования проблем истории России новейшего времени в части ее конкретно-исторических сюжетов – бытования науки и научного сообщества, положения социальных и профессиональных групп.

Прежде всего, речь идет о влиянии на традицию изучения науки и научного сообщества особого историографического направления – социальной истории, обладающей специфичной методологией и выявившей отдельные области исследования. Особое внимание историков в этом проблемном поле по сравнению с предшествующим периодом развития историографии все чаще привлекают не отдельная творческая личность и присущие ей ценностные предпочтения и установки, а формы взаимодействия и объединения ученых, принципы функционирования научных коллективов, особенности их организационного поведения (например, с точки зрения «схоларной» проблематики, истории научных институций и объединений, положения отдельных социальных групп в составе научного сообщества и др.).

Влияние социальной истории, безусловно, имеет следствием и переосмысление сути самого предмета исследований – истории науки и научного сообщества. Наука понимается как социальный институт, механизмы ее функционирования исследуются в рамках определенных социальных матриц (системы образования, индустриального производства и т.д.), роль же научного сообщества и отдельного ученого соотносится с социально-политическим запросом и изучается в тесной функциональной увязке с актуальными задачами развития общества и поиском оптимальных организационных и управленческих форм. Привнесение таких акцентов в историческое исследование обуславливает новый поворот в осмыслении привычных исследовательских сюжетов – например, взаимодействия научного сообщества и власти, определения границ его автономии, характеристики мер государственной поддержки и функционирования механизмов общественного контроля за научной

деятельностью, ее результатами и возможными сферами применения. Их изучение является важным и актуальным для понимания исторического опыта (само)организации и институционального оформления науки ключевого периода ее эволюции.

В истории России новейшего времени особое значение имеет этап трансформации науки как социального института, произошедший во второй половине 1910-х – первой половине 1930-х гг. Этот период, принимая во внимание значимость происходивших изменений, правомерно рассматривать как переходный, трансформировавший структуру, ценности, установки научного сообщества, поставленного перед необходимостью адаптации к социальным, политическим, экономическим, культурным изменениям первых постреволюционных десятилетий. Его изучение дает яркий пример конкурирования в современной историографической ситуации привычных исследовательских трактовок политической истории и народившегося, но не развернутого в исследовательской практике социального и эндогенно-сциентистского подхода.

Степень научной разработанности темы:

История советского научного сообщества в 1918-1934 гг. является историографически востребованной темой, ее глубокая фактографическая проработка уже дала ряд разноаспектных исследований, написанных порой с самых разных ракурсов изучения, логично отражающих, кроме авторских позиций, влияние синхронных им историографических этапов.

В советской историографии тема традиционно изучалась в рамках фундаментальной темы «интеллигенция и революция». Она была признана одной из «стержневых», – количество работ, изданных в СССР по этой тематике только в 1968-1977 гг., приблизилось к двум тысячам¹. В их числе – исследования по истории собственно научной интеллигенции. Их авторы, тщательно работая с источниками и детально прорабатывая каждый сюжет темы, обращались к истории организации науки и высшей школы в первые

¹ Советская интеллигенция: советская историческая и философская литература за 1968-1977 гг.: библиографический указатель. Новосибирск, 1978. 448 с.

советские десятилетия (М.С. Бастракова, Е.А. Беляев, А.С. Бутягин и Ю.А. Салтанов, К.Т. Галкин, Е.Н. Городецкий, В.Д. Есаков, Л.В. Иванова, Н.М. Катунцева, А.П. Купайгородская, В.А. Ульяновская, В.В. Украинцев, М.П. Фильченков, Ш.Х. Чанбарисов, Е.В. Чуткерашвили), отдельных научных учреждений (например, комплекс работ по истории Института Красной профессуры), заботы власти об улучшении положения научной интеллигенции (И.П. Запоров, Н.С. Зелов), «советизации» последней и «закономерной» борьбы с отдельными враждебными группами в ее составе (Г.Д. Алексеева, Л.В. Иванова, Н.Г. Кац, М.П. Ким, В.И. Клушин, Н.А. Королева, А.Я. Лейкин, Л.С. Леонова, Н.П. Полеева, Н.Л. Сафразьян, Ф.Ф. Фортунатов, Б.А. Чагин, Б.И. Черепнина). Внимание исследователей привлекали прежде всего мероприятия государственной научной политики в послереволюционные годы – создание централизованной системы руководства наукой, перестройка работы старых научных учреждений, становление государственной сети исследовательских институтов. Научное сообщество же как отдельная социальная группа редко оказывалось в центре внимания: его изучение было проблематизировано лишь в позднесоветский период, когда на первый план стал выдвигаться вопрос о *мотивах* сотрудничества научной интеллигенции с властью в постреволюционные годы. Обобщающие работы в этом ключе были написаны С.А. Федюкиным. В его исследованиях был поставлен вопрос о закономерности формирования советской интеллигенции как особой социальной прослойки, а также актуализирована проблема изучения ее психологии. Именно этот подход лег в основу комплекса работ, написанных в актуальном и на сегодняшний день проблемном поле исследования социально-психологических, культурно-личностных и ценностных аспектов (И.В. Герасимов, Л.А. Сидорова).

Однако порой установка авторов на поиск специфики исследуемой профессиональной группы доводилась до крайности: под влиянием открывшихся фактов о репрессиях и политических преследованиях в отношении как отдельных представителей научного сообщества, так и целых групп в его составе исследователи в 1990-е-начале 2000-х гг. стали обозначать

научную интеллигенцию как группу интеллектуалов, культура которых изначально была оппозиционна государственной политике 1920-30-х гг., негативно повлиявшей на их нравственно-этические и общечеловеческие ценности. В историографии утвердился концепт «репрессированной» науки, деформированной под влиянием идеологического фактора и подчинения командно-административному запросу власти. Особое внимание исследователей в эти годы привлекали сюжеты репрессивной политики в отношении отдельных групп и представителей научного сообщества, конфликта «красных» и «белых» профессоров, трагического вживания последних в советскую действительность. (С.А. Кислицын, Н.Г. Миронов, Ф.Ф. Перченко, Д.Д. Тумаркин, М.Г. Ярошевский, серия коллективных монографий).

Однако, как и на предшествующем историографическом этапе, происходящие в научном сообществе события исследовались в ракурсе мощного политического фактора отечественной истории – революции 1917 г. и последовавшего за ней длительного гражданского противостояния. Объяснительные стратегии выстраивались также через анализ политической составляющей – принятия или непринятия учеными марксистско-ленинской идеологии (и отражения этого факта в их творческом наследии), эволюции их отношения к новой власти, степени их вовлечения или устранения из научного поля ввиду соответствия или несоответствия их политической позиции господствующей идеологии. Исследователями, как правило, обнаруживалась корреляция политически «правильного», лояльного поведения ученых с их положением в статусной иерархии, защищенностью в социально-экономическом отношении. Указанные характеристики науки и советского научного сообщества соотносились с событиями политической истории России новейшего времени и рассматривались как специфично-советские.

Проблема заключалась в том, что безусловно новаторская на определенном историографическом этапе концепция «репрессированной науки», выполнив задачу глубокой общественно-политической рефлексии, позднее приобрела тенденциозный характер. Внимание к «репрессивной

составляющей» во взаимоотношениях власти и научного сообщества обернулось возвратом к едва преодоленной концепции «субъект-объектных» отношений (только в этом отношении научная интеллигенция превратилась в объект репрессивных, а не созидательных установок власти), а также – резким смещением акцентов в оценках их взаимодействия. В рамках указанного подхода не находили объяснения факты и тенденции, которые не укладывались в привычную концепцию конфликтного развития науки: жизненные траектории отдельных ученых и факты их биографий, социальный и идеологический состав научного сообщества, расстановка сил и специфика процессов конкурентной борьбы внутри него, наконец, преемственность научного нобилитета, выдвигаемых его представителями научных проектов, воспроизводимых ими практик поведения дореволюционной науке. Эти и другие сюжеты стали предметом точечных, но принципиально важных исследований, часто писавшихся исследователями в жанре научной биографии (Н.А. Дмитриева, Э.И. Колчинский и А.В. Козулина, И.В. Сидорчук, М.Ю. Сорокина).

С другой стороны, в зарубежной историографии острота вопроса взаимоотношений науки и власти в исследуемый период была снята еще с 1970-х гг., когда авторы обратились к сюжетам сотрудничества власти и научного сообщества, актуализировали его изучение как привилегированной группы в структуре советского общества, задали вопрос о причинах особого положения отдельных ее представителей в постреволюционный период (Д. Бейрау, Г. Винерт, А. Вучинич, Л. Грэхем, В. Данэм, Д. Жоровский, Л. Лубрано, М. Мэтьюз, Е.А. Осокина, Н. Ролл-Хансен, В. Тольц, В. Феркис, Ш. Фицпатрик). В рамках концепции «сталинской сословности» (иначе – «большой сделки», «социального контракта», «наукokratического договора») была выдвинута гипотеза о том, что как в до-, так и в послереволюционном советском обществе сохранялись элементы сословного деления, положение отдельных социальных групп определялось их правами и обязанностями по отношению к государству. В этих условиях отдельные группы интеллигенции (научной, научно-технической) смогли вписаться в новую элиту и иерархию

привилегий; заинтересовали исследователей и практики взаимодействия отдельных ученых с большевиками. Однако зарубежные исследования характеризуются дисциплинарной и тематической «лоскутностью», сосредоточением на изучении преимущественно «прорывных областей» научного знания в СССР и сообществах ученых, их представляющих, специфичных сюжетов – например, экспериментаторства в науке 1920-х гг., идеи создания «нового человека», трансфера знаний – обмена научно-техническими достижениями между государствами и т.д. (А. Банерджи, С. Коткин, Н.Л. Кременцов, А. Кожевников, Д. Тодес, П. Холквист, Дж. Эндрюс). Отметим и тот факт, что в историографии – как отечественной, так и зарубежной – преимущественно ставилась задача изучения научного нобилитета (чаще всего на уровне персональных биографий), что препятствовало формированию системной и объективной картины бытования научного сообщества, однако вносило важные концептуальные аспекты в исследуемую проблематику.

В исторических работах последних лет, написанных в рамках социального и эндогенно-сциентистского подхода, наметился поступательный пересмотр эмоционально окрашенной концепции конфликтного развития науки в постреволюционные десятилетия. Предпринимаются попытки системного переосмысления происходящих событий, звучит утверждение, что сведение происходивших в научном сообществе сложных процессов к факту идеологического противостояния «красных» и «белых» профессоров – групп, принявших и не принявших победившую идеологию марксизма – является некоторым редуцированием гораздо более сложных, происходящих в научном сообществе процессов. Сторонники такой позиции отмечают, что тенденция «огосударствления науки» – ее превращения в громадное, индустриально организованное предприятие, в которое оказались вовлечены большие людские и материальные ресурсы – в исследуемый период была общемировой (А. Кожевников, С. Коткин, П. Холквист). Причины изменений крылись в кризисных явлениях в развитии общества (и науки как важнейшей сферы нематериального производства), толчком же к трансформации стала Первая

мировая война, влияние которой в предшествующие годы нередко преуменьшалось в свете политических событий последующих революционных лет. Именно она логически завершила одни, обусловила и скорректировала другие тенденции, эксплицитно проявившиеся в послевоенные годы. Сторонники этой точки зрения подчеркивают, что война поставила перед национальными сообществами европейских стран задачу формирования явных преимуществ в научно-технологической области, для ее достижения потребовалось перестроить инфраструктуру науки, возник социальный запрос на изменение тематики, характера научных исследований и форм их организации, языка научного творчества. Одновременно в условиях российской действительности развитие указанных тенденций оказалось скорректировано революцией 1917 г., Гражданской войной и усилением роли государственного регулирования жизни общества. Указанные политические обстоятельства сформулировали основные требования уже к советской науке: одним из них стал запрос на идеологическую однородность произведенной научной продукции во всех отраслях научного знания. Таким образом, происходящие процессы можно охарактеризовать как сложные и противоречивые, несводимые к простому преодолению последствий революционного противостояния. Подобный подход нашел отражение в изменении направления исследования – пристальном внимании к взаимодействию власти и научного сообщества в исследуемый период в противовес традиционной «конфликтной» концепции развития науки.

Одной из концепций эндогенно-сциентистской версии изучения истории отечественной науки является актуализированный в современной российской историографии мобилизационный подход (работы Л.Г. Берлявского, Н.В. Гришиной, А.Н. Дмитриева, Э.И. Колчинского, С.А. Красильникова и др.). Под «мобилизацией» понимается комплекс мероприятий, осуществляемых государством и научным сообществом с целью концентрации и напряжения всех научных ресурсов, средств и сил ради достижения общенациональных целей. Порой сюжет помещается в рамки исследования проблемы социальной мобилизации как системной характеристики «сталинского режима» на стадии

его утверждения в межвоенный период (1920–1930-е гг.); другие авторы, следуя сциентистской трактовке, смещают нижнюю хронологическую границу, увязывая ее с началом Первой мировой войны и выводя значение происходящих событий широко за пределы национальной истории. И в том, и в другом случае исследуются институциональные основы, механизмы и формы осуществления мобилизационных практик в важнейших сферах взаимодействия структур власти и общества (политика, идеология, экономика, культура, массовое сознание). Наряду с технологиями осуществления и сопровождения всевозможных мобилизационных компаний исследователями изучаются и проблемы адаптации и поведения различных страт советского социума в условиях интенсивного мобилизационного воздействия – в том числе научной интеллигенции. При таком ракурсе исследования изучение темы выводится за рамки условных дат политической истории и увязывается с социальными процессами более широкого порядка – модернизационными. Кроме того, такой подход предполагает комплексное изучение научного сообщества конца 1910-х – середины 1930-х гг. вне узкого дисциплинарного контекста. Важно и то, что в указанных исследованиях научное сообщество все чаще рассматривается как активный, действующий субъект, поведение и реакции которого могли скорректировать властные тактики и установки.

Подчеркнем, что концепт «мобилизации» актуален не только для историографических работ последних лет, но и для риторики конца 1910-х – середины 1930-х гг. – он использовался как в сочинениях эмигрантов, так и в трудах советских руководителей науки – Л.Г. Шапиро и Н.И. Бухарина. Так, в статье «Мобилизация науки», опубликованной в журнале «Народное хозяйство» за март-июнь 1918 г., руководителем подотдела мобилизации научных сил Наркомпроса (Л.Г. Шапиро) формулировались требования к советской науке: большая близость к проблемам производства, коллективистские формы исследований, государственная централизация научных работ и их регуляция. Последнее казалось автору особенно важным в такой стране, как Россия, где незначительное количество ученых работало вразнобой из-за ведомственной разобщенности и конкуренции. Этот и другие примеры показывают, как

концепт формировал особое восприятие науки и ее задач в исследуемый период, определял ее функции, формы, практики получения и презентации научных результатов и подчинял участников научно-исследовательского процесса (ученых/научных работников) задаче модернизации различных сфер общественной жизни и социальных институтов, выводя за пределы узкого профессионализма и институциональной замкнутости. Он определял особый характер и черты науки в указанный период, формируя специфику ее взаимодействия с властью в XX в., расстановку сил в научном сообществе, приоритеты научных исследований, характер произведенной продукции и специфику презентации результатов. Эти изменения, в свою очередь, вели к модификации самого научного сообщества, его гетерогенных характеристик, традиций и этики. В этом отношении неудивительно, что концепт оказался востребован в современной историографической ситуации в работах, написанных в проблемном поле социальной истории науки.

Объектом исследования является советское научное сообщество 1918–1934 гг., рассматриваемое как самостоятельная социально-профессиональная ранжированная в квалификационном и социально-экономическом отношении общность, своими «верхними» корпоративными группами относящаяся к привилегированному слою, а «нижними» – входившая в состав широкой категории служащих.

Предмет исследования – структурные изменения и поведенческие практики научного сообщества, сложившиеся вследствие влияния «мобилизационного» фактора и нашедшие отражение в его гетерогенной социально-демографической структуре (социальный аспект); адаптации к изменению организационных форм ведения научной работы и практикам ее финансирования (институциональный аспект); публикационной активности и презентации научных результатов (публичный аспект).

Цель исследования – комплексное изучение структурных изменений отечественного научного сообщества и поведенческих практик его представителей, возникших вследствие социально-политического запроса и

реализации мероприятий научной политики конца 1910-х – середины 1930-х гг. на изменение роли и функции науки, решающих задачу модернизации страны.

Постановка цели предполагает решение следующих взаимосвязанных конкретных задач:

1) исследовать социально-демографическую структуру научного сообщества и дать системную характеристику ее изменений по сравнению с предшествующим периодом;

2) уточнить позиции научного сообщества как социально-профессиональной группы в структуре советского общества и уяснить специфику проводимой в отношении него социально-экономической политики;

3) выявить структурирующие и иерархизирующие механизмы и принципы организации и самоорганизации научного сообщества в указанные годы;

4) оценить уровень идеологической однородности научных кадров и степень влияния идеологического фактора на прохождение учеными ступеней академической карьеры и их положение в научной иерархии;

5) исследовать практики повседневности научного сообщества, сложившиеся вследствие изменения форм организации научных исследований, связанные с ним перестройку и расширение научной инфраструктуры;

6) раскрыть понятие «научное лидерство» и его сущностное содержание в исследуемый период, выявить роль отдельных научных лидеров в определении векторов и общем руководстве научными исследованиями;

7) выявить принципы и практики взаимодействия власти и научного сообщества на примере обследования работы конкретных институциональных центров и локальных сообществ;

8) проанализировать изменение характера и способов презентации результатов исследования научной продукции в отечественном и зарубежном научном и популярном пространстве;

9) охарактеризовать трансформацию социальной роли и функций ученых, формы и содержание их деятельности в исследуемый период в соответствии с социальным запросом к профессии.

Хронологические рамки исследования охватывают 1918-1934 гг. Нижней границе соответствуют Декрет о некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской республики (его упрощенное название – «об отмене ученых степеней и научных званий») 1 октября 1918 г., Всероссийский конкурс на замещение вакантных кафедр и профессур – то есть ряд мероприятий советской власти, призванных разрушить привычную систему ротации научных кадров. Верхняя хронологическая граница – середина 1930-х гг. – совпадает с формализацией основных элементов дифференциации и иерархии внутри научного сообщества (восстановление практики присуждения научных степеней и ученых званий в 1934 г., учреждение иерархической Комиссии содействия ученым при СНК СССР в 1932 г.).

Территориальные рамки исследования совпадают с границами РСФСР/СССР.

Теоретические и методологические основания исследования

Диссертационное исследование написано в проблемном поле социальной истории науки, что определяет приоритет общеисторических методов и подходов. Именно они обеспечивают решение конкретных задач исследования, интеграцию его основных положений и определяют концептуальный аппарат. Ключевым стал классический принцип историзма, целью применения которого являлось установление причинно-следственных связей в процессе исторического изменения изучаемого явления или процесса. Другим принципом стала установка на комплексную архивную эвристику, предполагающая введение в научный оборот новых, неопубликованных ранее документов. Исторический подход реализуется также через совокупность методов, обеспечивающих необходимый уровень обобщения и оценки характеристик изучаемого объекта.

Исследование проводилось с опорой на историко-системный метод – анализа и оценки отдельных фактов с позиции всей системы, с учетом конкретно-исторических обстоятельств ее бытования и функционирования. Важным стал историко-сравнительный метод, а конкретно – его вид – метод

индивидуализирующего сравнения, предполагающий, что все привлекаемые примеры служат только как вспомогательные для объяснения главной, рассматриваемой в исследовании формы. В исследовании нашел применение прикладной метод формализации и систематизации сведений массового источника. В его основе лежит процедура измерения (расчленения исторического явления или процесса на элементы; их статистического измерения). Метод позволил сохранить информационную структуру источника, а также обеспечил возможность применения просопографического метода, целью которого стало обращение к коллективным биографиям научных работников на основе постановки ряда однотипных вопросов демографического и факторного характера. Он сочетался в исследовании с элементами историко-биографического анализа (внимание к судьбам отдельных представителей научного сообщества). Соединение этих методов позволило, с одной стороны, преодолеть возможный схематизм и наполнить исследование фактами индивидуальных биографий; с другой стороны – ввести в исследование главную категорию социальной истории – социальную группу.

Сложность исследуемого объекта обусловила необходимость синтеза современных науковедческих подходов, а именно – обращения в качестве теоретической базы к влиятельным концепциям социологии и психологии науки. Ключевыми стали теоретические положения, сформулированные в рамках интеракционистского подхода. В их числе – теории «научного поля» П. Бурдье, социальных сетей М. Грановеттера, интерактивных ритуалов Р. Коллинза, сформулированный Р.К. Мертоном «эффект Матфея в науке» и др. При изучении взаимодействия науки как системы с окружающей средой оказались важны теоретические положения, концентрирующиеся на вопросах отбора и адаптации (социальное преломление концепций сформулировано в работах А. Хоули, П. Дж. Димаджио и У.В. Пауэлла и др.). Безусловно, учитывая задачу изучения объекта в исторической ретроспективе, следует отметить некоторую модификацию указанных исходных теоретических положений.

Для корректной обработки данных (особенно в части исследования социально-демографических характеристик научного сообщества в указанный период) потребовались специальные процедуры и инструменты статистического анализа (социальной статистики). Так, важным стало применение статистического пакета «*Statistical Package for the Social Sciences*», SPSS. Одновременно применение статистических инструментов к историческим документам, несомненно, имело ряд ограничений. В первую очередь это касается доступности, качества и сопоставимости данных для проведения статистического анализа.

Заявленные методические подходы позволяют оценить ключевые характеристики научного сообщества в 1918-1934 гг. и определяют комплексность, наукоцентричность, достоверность диссертационного исследования.

Источниковая база определялась исходя из поставленных задач. Сложность предмета исследования и установка на комплексный характер его изучения обусловили обращение к широкому комплексу данных и разнообразие видовой структуры привлекаемых источников.

Важным стало обращение к *законодательным и нормативным документам* – исходящим от центральных и местных органов власти (декреты, положения, постановления, касающиеся положения научных работников и содержащие директивы в их отношении); регистрирующим правовой статус научных работников (удостоверения и свидетельства), их правомочия (например, патенты и сопровождающая их документация); фиксирующим события или действия (например, описи имущества, акты обследования жилплощади, ордера на вселение в рамках политики уплотнения); наконец – следственным и судебным делам (материалы «Академического дела», дела академика Н.Н. Лузина, протоиерея Верховского).

Проблему соотношения нормативного и индивидуального раскрывают материалы *делопроизводства*. К организационной делопроизводственной документации относятся положения о работе отдельных ведомств и организаций – например, Центральной комиссии по улучшению быта ученых

(ЦеКУБУ); уставы научных институций – например, Института по изучению мозга и психической деятельности В.М. Бехтерева; правила – например, регистрации и распределения по разрядам научных работников. Эта группа включает и подготовленные учеными докладные записки и проекты институций – например, проект А.С. Лаппо-Данилевского по организации Института социальных наук, В.М. Бехтерева – Института по изучению мозга и психической деятельности, Г.И. Челпанова – Института социальной психологии. Группа распорядительной делопроизводственной документации объединяет решения и постановления – персонального (в отношении отдельных научных работников и членов их семей), институционального (в отношении отдельных учреждений и аффилированных с ними штатов сотрудников) и общего (распространяемого на всех научных работников или их отдельные категории) характера; инструкции, циркуляры и другие документы. В исследовании привлекалась и деловая переписка – между отдельными институциями и властными инстанциями по вопросам финансирования, материально-бытового обеспечения, работы отдельных учреждений в системе ЦеКУБУ. К этой же группе относятся и письма научных работников во властные инстанции по поводу предоставления им академических пайков, решения жилищного вопроса и др. Важные сведения были выявлены в комплексе отчетной документации: ЦеКУБУ, Комитета учета научных работников и изучения научных сил СССР; годовых отчетах по научно-учебным учреждениям по формам Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ). Привлекались и отчеты, составленные научными работниками, например, по итогам зарубежных командировок. Особая группа делопроизводства включала протокольную документацию – журналы, протоколы и стенограммы заседаний различных органов власти, партийных конференций, учреждений.

Важным стало обращение к *массовым историческим источникам* (персонального характера) – кругу делопроизводственной документации, связанной с экономическим и бытовым обеспечением научных работников в 1920–первой половине 1930-х гг., подтверждением их научной квалификации и

распределением по разрядам и категориям. Обобщить разрозненные документы – анкеты, личные листки, кадровые сводки – позволили синхронные *справочно-информационные издания*: справочники серии «Наука и научные работники в СССР», малотиражные правительственные и ведомственные издания с грифом «Для служебного пользования». При исследовании потребовалось обращение к дореволюционным и зарубежным справочникам и адресным книгам, содержащим данные в том числе о научных работниках.

Важным источником стала *статическая документация*. Однако обращение к ней потребовало ряда исследовательских процедур: важно было уточнить методические и историографические подходы к понятию «научный работник», выявить центры статистической информации, понять методику работы составителей и возможные ограничения их расчетов. В результате комплекс статистики был ограничен документацией ЦеКУБУ (1921–1932 гг.), Комиссии содействия ученым (середина 1930-х гг.), ЦУНХУ Госплана СССР (1930-е гг.). Дополняющими стали данные точечных обследований – например, анкетирования по наследственности среди ученых Петрограда Ю.А. Филипченко в начале 1920-х гг.

Качественно иные, персонализированные информационные аспекты внесли в исследование *источники личного происхождения*. Привлекались дневники В.И. Вернадского, Ю.В. Готье, Г.А. Князева, М.В. Нечкиной, Е.Г. Ольденбург, С.А. Пионтковского; мемуары Н.И. Кареева, В.П. Семенова-Тян-Шанского, П.А. Сорокина, воспоминания выпускников Института Красной профессуры и других советских вузов; переписка П.Л. Капицы, И.П. Павлова. Особой группой источников здесь стали автобиографические описания, – а именно, служебные автобиографии, находящиеся в личных делах сотрудников учреждений или в следственных материалах судебных инстанций; ответы на вопросы анкет (открытого характера).

Важным стало изучение синхронного общественно-политического контекста проблематики – его позволила реконструировать *публицистика*. В исследовании привлекались стенограммы публичных выступлений, программные статьи и теоретические работы партийных деятелей, посвященные

проблемам идеологической подготовки научных работников: работы В.И. Ленина, А.В. Луначарского, М.Н. Покровского, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, А.А. Богданова, Н.И. Бухарина. Привлекались и публицистические статьи ученых – например, А.Е. Ферсмана.

Работа с публицистическими текстами сопровождалась обращением к *периодической печати* – партийной («Правда», «Ленинградская правда», «Красная газета», «Борьба классов»), печати общественных организаций («Наука и ее работники», «Научный работник»), научным изданиям («Экономист», «Вопросы изучения и воспитания личности», «Известия Бюро по евгенике»). Привлекались и материалы массовой периодической печати – издания «Крокодил», «Крестьянка», «Искры науки», «Огонек», «Вечерняя Москва», ленинградская «Вечерняя красная газета».

Ответить на вопрос, какие научные открытия и достижения транслировались для широкой читательской аудитории, позволили синхронные *литературные произведения*. В исследовании были проанализированы написанные или переизданные в 1920-е гг. произведения А.А. Богданова, М.А. Булгакова, Г. Белых и Л. Пантелеева, И. Ильфа и Е. Петрова. Привлекались и источники малых литературных форм – например, рассказы М.М. Зощенко и Б.А. Лавренева, стихотворения ученых – например, шуточное произведение историка Н.И. Кареева об отдыхе в санатории «Узкое» (1928).

Наконец, в качестве источников оказались важны *кинофильмы* 1918–конца 1940-х гг. – игровые и документальные. В числе первых - агиткартина «Уплотнение» (1918), фильмы «Саламандра» (1928), «Сын рыбака» (1928), «В город входить нельзя» (1929), «Человек с портфелем» (1929), «Тайна Кара-Тау» (1932), «Депутат Балтики» (1936), «Высокая награда» (1939); послевоенные фильмы - «Весна» (1947), «Миклухо-Маклай (1947), «Академик Иван Павлов» (1949), «Пирогов (1947), «Мичурин» (1948), «Александр Попов» (1949), «Жуковский» (1950) и «Пржевальский» (1951). Второй группой кинофильмов стали документальные киноленты – «Механика головного мозга» (1926) и «Эксперименты по оживлению организма» (1940).

Намеренное формирование противоречивого поля – от юридических документов до аудиовизуальных источников – представляет взгляд на проблему с разных позиций и раскрывает ее различные аспекты, что способствует реализации заявленных в исследовании цели и задач. Подчеркнем, что к исследованию привлекались как опубликованные, так и неопубликованные источники, при этом объем неопубликованных материалов значительно превышает объем ранее опубликованных данных.

Научная новизна исследования

Во-первых, в исследовании впервые была предпринята попытка комплексного (в социально-историческом ключе) изучения советского научного сообщества конца 1910-х – середины 1930-х гг. вне узкого дисциплинарного контекста, на основе объединения институционального и социального подходов.

Во-вторых, впервые были получены основные характеристики научного сообщества РСФСР и СССР, определены ключевые социально-демографические характеристики кадров советской науки исследуемого периода. Благодаря применению статистического пакета SPSS посредством одномерного анализа удалось изучить структуру научного сообщества – выделить в его составе группы ученых, объединенных по некоторому признаку (региону проживания, научной специализации, году начала академической карьеры и др.), что позволило оценить уровень его диверсифицированности.

В-третьих, впервые были уточнены структурирующие и иерархизирующие механизмы и принципы организации и самоорганизации научного сообщества в постреволюционных условиях разрушения привычной системы квалификации и аттестации; ротации, демографического и территориального движения научных кадров.

В-четвертых, впервые была проведена оценка уровня идеологической однородности научных кадров в исследуемый период, уточнена степень влияния идеологического фактора (партийности) на прохождение учеными ступеней академической карьеры и их положение в научной иерархии;

выдвинута гипотеза об относительной автономизации научного сообщества по отношению к политическим решениям и установкам.

В-пятых, была сформулирована гипотеза об обусловленности профессионального поведения отдельных ученых их принадлежностью к определенным научным сообществам, их включенностью в сетевые (корпоративные связи), силой их позиции в научном поле (проблема научного лидерства), изучены принципы функционирования и нормы корпоративного поведения, охарактеризованы конкурентные процессы внутри научного сообщества.

В-шестых, в ходе анализа публикационной активности научных работников в исследуемый период была заполнена конкретная информационная (историографическая) лакуна исследования научного книгоиздания 1914-1922 гг.

В-седьмых, на примере Института Красной профессуры впервые была проведена оценка результативности функционирования отдельного советского научно-образовательного центра нового типа, были исследованы регулятивные, формирующие и корректирующие принципы управления наукой и высшей школой и повседневные практики их применения.

Таким образом, было реализовано многоаспектное, комплексное, выполненное в социально-историческом ключе исследование – изучение трансформации национального научного сообщества в сложный и конфликтный период истории советского общества, традиционно трактуемый в ракурсе репрессивного и этатистского детерминизма.

Научно-практическая значимость исследования состоит в возможности использования его выводов и материалов в подготовке обобщающих курсов по истории России новейшего времени, по истории науки в советский период.

Апробация исследования

В процессе работы над диссертационным исследованием его положения и выводы обсуждались на заседаниях кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета. По теме

диссертации опубликована монография общим объемом 25 п.л. Кроме того, в научно-исторических журналах и сборниках вышли 58 научных статей по теме исследования (из них 12 – в изданиях, включенных в международные системы цитирования WoS и Scopus, 22 – в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ) общим объемом более 30 п.л. Результаты исследования были представлены на 31 научной конференции, в том числе – за рубежом (Белфаст 2018, Гранада, 2018; Мерида, 2018, Люблин 2017).

Положения, выносимые на защиту:

(1) В исследуемый период под влиянием общесоциальных и политических процессов революционной эпохи произошла стремительная (компенсаторного характера) трансформация социально-демографической структуры научного сообщества: с падением национальных, конфессиональных, гендерных ограничений и резким расширением объемов научной инфраструктуры (основание новых лабораторий, институтов, вузов) изменились физические параметры научного сообщества, научная профессиональная деятельность приобрела открытый характер.

(2) Задачи экстренной модернизации страны обусловили приоритетное внимание власти к научному сообществу, в частности, к его социально-экономическому обеспечению. В указанный период оно оказалось обособлено системой нормативно закрепленных льгот и прав как статусная (приоритетная) социально-профессиональная группа. Однако внутри группы на основе традиционного для науки принципа иерархизации реализовалась практика дифференциации статусов, обуславливавшая различие в объемах привилегий. На протяжении исследуемого периода научное сообщество можно рассматривать как иерархическое (с тенденцией к замыканию) и конкурентное.

(3) На фоне декретивного разрушения имперской системы квалификации и аттестации началось строительство новой иерархической системы, обеспечивающей ротацию, движение научных кадров. В результате в 1918 – середине 1930-х гг. научное сообщество действовало в условиях относительной дестандартизации, отвечая самоорганизацией (реализованной в системе корпоративных механизмов, неформальных норм и правил функционирования)

и практиками адаптации к внешнему воздействию (социальный, административно-властный запрос). Так, в указанный период квалификационного дефицита действовал неформальный механизм экспертной оценки.

(4) На протяжении исследуемого периода четко маркируется тенденция к дистанцированию и автономизации научного сообщества по отношению к политическим решениям и установкам. Отчасти она была связана с традиционализмом и устойчивостью профессионального статуса (на фоне социального кризиса ученые остались в профессии, не были склонны к изменению сферы занятий). Эта тенденция столкнулась со встречной (административно-управленческой): власть признала социальное значение профессии и фактически сохранила компромисс с деполитизированной дореволюционной научной элитой, закрепив ее статусы и возможности для профессиональной деятельности. Однако объемы предоставляемой автономии были различны – как для отдельных ученых, так и отдельных групп в составе научного сообщества.

(5) Отношения власти и отдельных ученых (особенно занимающих лидирующие позиции в иерархии) были индивидуализированы, определялись их местом и позициями в научном сообществе в большей степени и политической лояльностью – в меньшей. Исследование показало, что в исследуемый период научное сообщество не демонстрировало идеологической (партийной) однородности. Степень влияния идеологического фактора на прохождение учеными ступеней академической карьеры и их положение в научной иерархии была не так значительна, как это традиционно оценивалось в историографии.

(6) В условиях ограниченности ресурсов и наличия единственного источника их восполнения (государственного финансирования) возникла функциональная связь научного работника и институции, к которой он принадлежал. Сформировался новый тип научного работника, вовлеченного в качестве функциональной (кадровой) единицы в коллективные научные проекты аффилированной с ним организации, в идеале ведущего практико-

ориентированные исследования и популяризирующего результаты своего научного труда.

(7) В условиях научной конкуренции институций и производственных коллективов особое значение приобрела проблема научного лидерства. Изучение сущностного наполнения понятия в исследуемый период позволило охарактеризовать особый статус и позиции лидеров научных направлений в структуре научного сообщества. Материалы исследования показывают, что позиции того или иного коллектива, уровень его организационной автономии, ресурсного обеспечения часто удерживались лишь именем (научной репутацией) научного лидера и системой выстроенных им патрон-клиентских отношений и ослабевали в момент его отстранения.

(8) Изучение характера и способов презентации научного знания, публикационной активности научного сообщества свидетельствует о том, что в исследуемый период все формы реализации научной деятельности оказались скорректированы/редуцированы. Произошло упрощение языка, отказ от широкой международной коммуникации и билингвализации результатов исследований. Приоритетное развитие получила задача популяризации сюжетной наполненности, появились новые практики и формы презентации научных достижений.

(9) Сумма охарактеризованных в исследовании тенденций нуждалась в проверке на основе изучения институционального примера – молодого научно-образовательного центра, современника изучаемого периода. Кейс Института Красной профессуры (1921-1938) позволил проследить потенциальную возможность государственного регулирования такого специфического социального института как наука. Изучение этого «государственного» проекта, специфики реализации на практике привилегий, сопровождавших функционирование его научно-педагогической корпорации, иллюстрирует несостоятельность представлений о возможности прямого административного регулирования науки. Новооснованный научно-образовательный (и идеологический) институт не реализовал в полной мере ассоциируемые с периодом 1920-1930-х гг. установки, демонстрируя характер влияния

механизмов самоорганизации и саморазвития науки, в полной мере не приобретшей черты советской в данном наиболее идеологизированном центре.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка источников и литературы, двух приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, ее хронологические рамки, определяются цель, задачи, предмет и объект, уточняется научная новизна исследования.

В **первой главе** диссертационного исследования характеризуются историографические и методологические подходы к понятию «научное сообщество», корпус источников, формулируются методические подходы работы с ними.

В **первом параграфе** на основе анализа отечественной и зарубежной историографии исследуется опыт изучения советского научного сообщества в болезненный для его истории период – в конце 1910-х – середине 1930-х гг.

Во **втором параграфе** характеризуются теоретические и методологические подходы к изучению советского научного сообщества в исследуемый период. Особое внимание уделяется анализу влиятельных концепций социологии и психологии науки – теории «научного поля» П. Бурдье, социальных сетей М. Грановеттера, интерактивных ритуалов Р. Коллинза; частных концептуальных положений – например, сформулированному Р.К. Мертонем «эффекту Матфея в науке». Делается вывод, что применение указанных концепций социологии и психологии (науки) имеет своим ограничением ретроспективный характер проблематики – исследуемые явления и процессы относятся к прошлому. Однако именно обращение к ним позволило внести новые акценты и трактовки в изучение сложного объекта исследования – советского научного сообщества. В параграфе характеризуются применяемые в диссертационном исследовании методы исторического исследования: историко-системный, индивидуализирующего сравнения, формализации и систематизации данных массового источника, просопографический.

В **третьем параграфе** характеризуется эвристический потенциал и информационные возможности источников изучения советского научного сообщества исследуемого периода. Подробно анализируются законодательные и нормативные документы, материалы делопроизводства, статистика, источники личного происхождения, публицистика, периодическая печать, литературные произведения и, наконец, комплекс аудиовизуальных источников (игровые и документальные кинофильмы 1918-конца 1940-х гг.). Особое внимание уделяется массовым историческим источникам (персонального характера) и статистике.

В **четвертом параграфе** ставится проблема номинативного характера: характеризуются подходы к определению понятия «научный работник», решаются задачи привлечения максимально широкого круга статистических источников, содержащих нужную для анализа информацию; фокусного и жесткого ограничения содержащихся в них данных; уточняются центры статистической информации 1920-1930-х гг., документация которых была привлечена в исследовании в качестве репрезентативной. В качестве таких центров были определены Объединенное бюро Центральной комиссии по улучшению быта ученых и Секции научных работников по РСФСР за период 1922-конца 1920-х гг., Комиссия содействия ученым (КСУ) при СНК РСФСР за первую половину 1930-х гг., Центральное управление народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) за 1930-е гг. В материалах этих статистических центров содержались необходимые для всесторонней характеристики кадров науки элементы (показатели) статистического учета, однако попытки определить численность и дать качественную характеристику научных кадров исходили из различных оснований – функционального, квалификационного и номенклатурного подходов. Как приоритетные были избраны статистические источники, основанные на квалификационной оценке (личной научной квалификации ученого). В исследуемый период именно она оказалась положена в основу ранжирования ученых – их распределения по разрядам и категориям, обусловив специфику конкурентных и конфликтных процессов внутри научного сообщества.

В пятом параграфе характеризуется методика работы с привлекаемыми статистическими и массовыми историческими источниками. Она носит интенсифицированный характер и связана с выявлением их качественного потенциала посредством анализа содержащихся в них данных современными науковедческими методами и инструментами, формализующими и максимально структурирующими информацию (например, применением статистического пакета SPSS). Возможность применения их к ретроспективному срезу облегчается плановым характером организации советской науки, включающим измерительный, анализирующий и корректирующий компоненты управления ею и сформированной источниковой базой – комплексом документов отчетности различного уровня, содержащих стандартные показатели (индикаторы) количественной и качественной оценки различных сфер бытования научного сообщества. На конкретных примерах (анализ социально-демографических характеристик преподавательского сообщества Института Красной профессуры; женщин-научных работников, зарегистрированных Центральной комиссией по улучшению быта ученых в конце 1920-х гг.), иллюстрируются возможности применения методов социальной статистики к ретроспективному историческому срезу информации и одновременно показываются исследовательские ограничения подобной междисциплинарной триангуляции.

Во второй главе диссертационного исследования исследуется социально-демографическая структура научного сообщества (распределение научных работников по квалификационным характеристикам; по дисциплинарному и территориальному; гендерному, возрастному и национальному признакам), выявляются факторы ее изменений по сравнению с предшествующим периодом.

В первом параграфе выявляются политические, социальные, экономические причины и предпосылки роста (по экспоненте) численности научных кадров в первое постреволюционное пятнадцатилетие и изменения их социально-демографической структуры. Делается вывод о том, что трансформация научного сообщества началась под влиянием внешнего – мобилизационного – фактора военных лет, ускорилась в пореволюционный

период, замедлилась в 1920-е гг., встретившись с инерционными силами, и в середине 1930-х гг. была зафиксирована в формах и состоянии, обеспечивающих функционирование науки как социального института. Симптоматикой этого периода стало разрушение системы аттестации и квалификации научных кадров, восстановленной в середине 1930-х гг. Особое внимание уделяется инерционным процессам в научном сообществе – попыткам сохранения ранее действовавшей системы патронирования и взаимодействий, занятых позиций и академических карьер даже на уровне ритуальных церемониалов (неофициальных диспутов).

Во **втором параграфе** характеризуется территориальное и дисциплинарное распределение научных работников; отдельные группы внутри научного сообщества – возрастные, гендерные, национальные и т.д. Делается вывод о системном характере перемен в бытовании научного сообщества, качественно изменивших его социально-демографический портрет. Эти изменения – в частности, вовлечение в относительно сжатый период в научное сообщество целых социальных групп, ранее в силу национальности, вероисповедания, пола, происхождения и других характеристик не имевших доступа к профессии, – сопровождалось ростом конкурентной напряженности внутри научного сообщества, не готового к столь решительному перераспределению позиций и ресурсов, и, с другой стороны, вели к сплочению групп и противопоставлению их друг другу (несмотря на постулируемые «эгалитарные» установки эпохи). Спецификой периода стала властная поддержка компенсаторных процессов путем разрушения сложившейся до революции системы научной квалификации и аттестации научных кадров (декрет 1 октября 1918 г.); последующих юридических актов «равноправия» (полов, национальностей и т.д.); реализуемой национальной политики (интернационализма); наконец, установки на рекрутирование в науку групп низкого социального происхождения за счет создания для них социальных и образовательных «лифтов» (рабфаков, комвузов – например, Института Красной профессуры).

В **третьем и четвертом параграфах** характеризуется быстрое вхождение в научное сообщество на равных конкурентных правах новых, больших в количественном отношении социальных групп научных работников – национальных (§ 3) и гендерных (§ 4). Анализируются их возрастные, квалификационные, статусные характеристики, дисциплинарное и территориальное (включая динамику переездов) распределение; делается вывод о компенсаторном (по сравнению с предшествующим периодом) характере их вовлечения в научное сообщество.

В **третьей главе** диссертационного исследования уточняются позиции научного сообщества как социально-профессиональной группы в структуре советского общества, характеризуется проводимая в отношении него социально-экономическая политика; описываются структурирующие и иерархизирующие механизмы и принципы организации и самоорганизации научного сообщества в исследуемый период; оценивается уровень идеологической однородности научных кадров.

В **первом параграфе** выдвигается и доказывается гипотеза, что в конце 1910-х – середине 1930-х гг. научное сообщество функционировало как статусная социально-профессиональная группа, обособленная системой специального социально-экономического обеспечения, юридически закрепленных льгот и прав. В историографии указанный феномен получил объяснение в рамках т.н. политики «наукokratического договора», «большой сделки», «сталинской сословности». Причина особого статуса ученых заключалась в сциентистском импульсе политики большевиков, позиционировавших себя как «правительство экспертов». Внимание власти к ученым (по отношению к некоторым из них оно порой действительно принимало исключительный характер) широко рекламировалось на страницах массовых периодических изданий, художественной литературе, в игровом кинематографе. Однако в условиях ограниченности ресурсов, многократно увеличившегося числа научных работников, дисбаланса их территориального распределения реализация доступа к юридически закрепленным льготам и правам на практике оказывалась затруднена, а распределение средств –

ограничено системой квотирования. Все эти обстоятельства вели к усилению действия конкурентных и дифференцирующих механизмов внутри научного сообщества.

Во **втором параграфе** исследуется проблема дифференциации научного сообщества в 1920-1930-е гг.: принципы его иерархии и действующие статусные группы; выдвигается и доказывается гипотеза о том, что советская наука функционировала как саморегулирующаяся иерархическая система на всем протяжении 1920-х – середины 1930-х гг. Точкой отсчета для дифференцирования стало деление ученых на разряды и (позднее) категории Центральной комиссией по улучшению быта ученых с целью различения их экономического обеспечения, однако это изначально социально-бытовое разделение приобрело социальные, профессиональные, статусные акценты. Отнесение ученых к той или иной группе стало действующим даже в условиях квалификационного вакуума механизмом экспертной оценки, неформализованным инструментом квалификации. Делается вывод об относительной автономии научного сообщества от власти в вопросах экспертной, квалификационной оценки; этой автономии, однако, препятствовали внутренние конкурентные процессы.

В **третьем параграфе** ставится вопрос о политической (партийной) однородности научных кадров в 1920-1930-е гг.: анализируется процентное соотношение партийных и беспартийных научных работников в научном сообществе, исследуется давность партстажа коммунистических научных сил, характеризуется их дисциплинарная, профессиональная, гендерная, возрастная, национальная структура. На основе анализа данных статистики делается вывод о том, что слой коммунистов в научном сообществе 1920-1930-х гг. был не только тонким, но и неоднородным. Налицо неравномерное распределение партийных сил в территориальном отношении (их сосредоточение в Москве), по отраслям научного знания (лидировали социально-экономические дисциплины – философия и экономика; было отмечено почти полное их отсутствие среди представителей точных, инженерно-технических дисциплин), недостаточный уровень квалификации партийных научных кадров (их сосредоточение в группе

«начинающих и готовящихся ученых»)), краткость партийного стажа многих из них.

В **четвертом параграфе** ставится вопрос о взаимосвязи между политической лояльностью ученого (закрепленной в принадлежности к партии ВКП(б)) и его положением в статусной номенклатуре 1930-х гг. На материалах Комиссии содействия ученым (КСУ), с 1931 г. утвердившей принцип ранжированного, а не профсоюзного обеспечения научных работников, характеризуется процентное соотношение партийных и беспартийных ученых в привилегированных группах, включенных в т.н. Список КСУ и Список молодых ученых КСУ. На материалах разработочных таблиц ЦУНХУ Госплана СССР по категориям научных работников научно-исследовательских учреждений по СССР и союзным республикам анализируются данные о присуждении беспартийным научным работникам степени кандидата или доктора наук; ученого звания доцента или профессора. В привлекаемой статистической документации не было выявлено случаев ограничения карьерного роста для беспартийных научных работников, в связи с этим делается вывод о том, что в 1930-е членство в партии не являлось условием ни для присуждения ученой степени, ни для получения высокого ученого звания, ни для доступа научного работника к социально-экономическим привилегиям. Одновременно в материалах статистической документации прослеживается искусственное форсирование прохождения квалификационных карьерных ступеней для ученых-членов и кандидатов ВКП(б) и ВЛКСМ (одним из таких механизмов стало присуждение ученых степеней без защиты диссертации).

В **пятом параграфе** анализируется вопрос преемственности советского научного сообщества дореволюционному привилегированному социальному слою, в советской риторике обозначавшегося как «эксплуататорский». Делается вывод о том, в исследуемый период для него характерны сильные статусные позиции и количественное доминирование научных работников, происходящих из «бывших» (применительно ко всем профессиональным группам – как высококвалифицированных и высокопоставленных, так и молодых, начинающих ученых). Другой важный показатель – узость «рабоче-

крестьянской» прослойки: несмотря на наличие социальных «лифтов» и «поддержек» вхождение указанных групп в научное сообщество в силу разных причин носило медленный характер.

В **четвертой главе** диссертационного исследования характеризуется понятие профессиональной научной повседневности: уточняется характер взаимосвязи научного или научно-педагогического работника с институциональной организацией, его принадлежности к тем или иным объединениям, подчинения научному лидеру; анализируются повседневные практики адаптации научного сообщества к изменению форм организации научных исследований, связанную с ним перестройку и расширение научной инфраструктуры; описываются процессы научной конкуренции между организационными коллективами.

В **первом параграфе** исследуется изменение характера и приоритетов научного труда в первые постреволюционные годы. Делается вывод о том, что в связи с остро насущной государственной необходимостью в исследованиях прикладного характера (закрепленной финансовым и инфраструктурным обеспечением институций) перед научным сообществом была поставлена задача подтверждения теоретических исследований практическими результатами, нашедшая отражение в попытках преодоления традиционного дисциплинарного разделения наук, ориентации на принципиально новые области исследования и на создание новых образцов техники и технологий. Решение этих задач требовало новой, более крупной организации научных учреждений с мощной инфраструктурой и кадровым обеспечением. Делается вывод о том, что в исследуемый период изменился принцип взаимосвязи научного или научно-педагогического работника с институциональной организацией, в которой он работал. Его труд потерял характер индивидуального и независимого научного поиска и переместился на кафедру, в научный отдел, лабораторию с их принципами коллективного взаимодействия и планирования, патронирования научного лидера-руководителя. Научное сообщество оказалось жестко структурировано по горизонтальному (функциональному) и вертикальному (иерархическому) принципу.

Второй параграф посвящен конкуренции организационных коллективов и отдельных научных лидеров за государственное финансирование, штатное и инфраструктурное обеспечение институций. В условиях ограниченности ресурсов внутри научного поля апелляция к власти как к источнику их распределения / восполнения оказалась связана с обострением научной конкуренции. Конкурировали не только отдельные ученые, но и целые научно-исследовательские и научно-педагогические институции – коллективы и представлявшие их руководители. На примере поддержки Наркомпросом отдельных научных инициатив были исследованы формальные механизмы принятия решения о поддержке тех или иных научных центров, выявлены субъективные факторы, корректирующие реализацию принципов государственного регулирования научных исследований, апробирована гипотеза об обусловленности поведения отдельных ученых их принадлежностью к тем или иным объединениям, местонахождением в системе патрон-клиентских отношений и корпоративных связей. Одновременно, был поставлен вопрос о роли идеологического фактора в процессах принятия властных решений о распределении ресурсов.

В **третьем параграфе** исследуется опыт работы одного из мега-комплексов постреволюционных лет – Психоневрологической академии В.М. Бехтерева, действовавшей в Петрограде-Ленинграде в 1918-1925 гг. Изучение ее функционирования позволило охарактеризовать механизм и специфику реализации научных инициатив в условиях государственной организации науки; практику их бытового функционирования, особенности работы организационных коллективов на предмет выявления их соответствия «государственному запросу». Был сделан вывод о том, что многие из институций, обращаясь к исследованию окружающей их действительности, не ориентировались на государственный заказ, а имели целью на практике предложить решение острых социальных проблем того времени – голода, эпидемической угрозы, беспризорничества, тяжелых условий труда. В этом отношении научно-общественные инициативы как создателей отдельных лабораторий, так и их покровителей-руководителей мега-комплексов не только

не запаздывали, но порой даже опережали озвученные пожелания власти в части прикладного характера научного знания и его социальной обусловленности.

В четвертом параграфе раскрывается понятие «научное лидерство» и его сущностное содержание в исследуемый период. Выявление специфики позиций, статусов, особенностей взаимоотношений с властью отдельных лидеров-руководителей (Г.И. Челпанова, В.М. Бехтерева, И.П. Павлова) позволило охарактеризовать их особый статус и позиции в структуре научного общества, сложившиеся в силу ограниченности ресурсов; уточнить роль научного лидерства в определении векторов и общем руководстве научными исследованиями; границы их собственной автономии и защищенности патронируемых ими сотрудников. Делается вывод о том, что научное лидерство в исследуемый период, с одной стороны, демонстрировало преемственность дореволюционной эпохе с ее традициями патрон-клиентских отношений, успешно воспроизводимыми и в условиях советской действительности; с другой – приобрело и универсальные черты, позднее осмысленные в науковедческих исследованиях (например, трудах Р.К. Мертона): коллективный характер научного труда и производимых научных результатов, прикладной характер научного знания и его патриотический характер.

В пятой главе диссертационного исследования последовательно реализован метод индивидуализирующего сравнения (*case study*). На примере работы одного из «государственных проектов» в сфере науки и образования, целью создания которого было обновление кадрового состава науки и высшего образования, – Института Красной профессуры (1921-1938) и аффилированного с ним сообщества преподавателей и слушателей – выявляются принципы взаимодействия власти и научного сообщества, характеризуются границы государственного регулирования такого специфического социального института как наука и связанного с ним института воспроизводства научно-педагогических кадров.

В первом параграфе анализируется финансирование и инфраструктурное обеспечение Института Красной профессуры. Оценка инвестиционной

составляющей его работы продемонстрировала несколько тенденций. Во-первых, сама инвестиционная динамика носила чрезвычайный, «мобилизационный» характер: начавшись с периода исключительного внимания к проекту, уже после первого выпуска она ослабела, кратковременно усилившись в момент приобретения ИКП статуса «союзного значения». Во-вторых, ИКП динамично расширялся за счет увеличения контингента преподавателей и учащихся, создания отраслевых институтов: это обостряло стоявшие перед руководством бюджетные и инфраструктурные проблемы (наиболее конфликтным стал т.н. «жилищный вопрос»). В-третьих, регулятивные возможности государства вошли в противоречие с бытовой реальностью 1920-х гг., найдя отражение в нарушениях финансовой дисциплины и злоупотреблениях служебными полномочиями, вскрывшихся по итогам хозяйственных проверок. Делается вывод о том, что Институт Красной профессуры как приоритетный государственный проект требовал постоянных инвестиций и мог оказаться рентабельным лишь при условии налаженного функционирования.

Во **втором параграфе** исследуется преподавательское сообщество Института Красной профессуры. Анализ списков профессорско-преподавательского состава, выявленных в ГАРФ, позволил охарактеризовать его с точки зрения пола, возраста, уровня образования, квалификационных характеристик, политической лояльности (партийности), сведений о политических взысканиях. В документации Институт Красной профессуры предстает не ангажированной идеологической институцией, а одним из возможных мест работы интеллигенции, где оказались востребованы не столько ее лояльность власти, а прежде всего знания, умения и навыки, нередко полученные еще до 1917 г. (например, владение иностранными языками). В этом отношении ИКП можно рассматривать как удачный кейс, суммирующий сделанные в исследовании наблюдения. Однако, важно подчеркнуть, что возможности получить нужный, желанный власти, импульс верности партии и коммунистической идее от преподавателей ИКП, происходивших из «бывших», у слушателей практически не было. Косвенным образом последнему

обстоятельству способствовали и постоянные перестройки образовательного процесса в ИКП, которые по факту оборачивались ломкой едва сложившихся учебных программ и планов.

В **третьем параграфе** характеризуется динамика академического движения слушателей и статистика их выпусков. Отмечается, что формирование корпуса слушателей изначально было затруднено трудновыполнимыми в условиях 1920-30-х гг. требованиями (например, давность партстажа), метод «вербовки» при этом не обеспечивал ИКП высокими в квалификационном отношении кадрами. Академическое движение слушателей, которые были относительно однородны в политическом (партийном) и, меньшей степени, социальном и образовательном отношении, демонстрировало резкую «вилку» между поступлением и выпуском. В силу частых мобилизаций, переводов, академической неуспеваемости до выпуска едва доходила 1/3 зачисленных, но и те по итогам распределения дисперсивно рассеивались в частых административных перемещениях 1930-х, а с середины 1930-х гг. – с восстановлением практики присуждения степеней и званий – часть из них и вовсе оказалась лишена права на преподавание в высшей школе. Делается вывод о том, что выпускникам Института Красной профессуры не удалось обновить корпус советской преподавательской и научной элиты, хотя такая задача и была поставлена при его создании.

В **четвертом параграфе** формулируются причины поражения одного из приоритетных государственных проектов в сфере науки и высшего образования – Института Красной профессуры; делается вывод о противоречии государственного регулирования науки и высшего образования повседневным практикам и бытовым реалиям 1920-30х гг.

В **шестой главе** диссертационного исследования на примере изменения характера и способов презентации результатов исследования научной продукции в отечественном и зарубежном научном и популярном пространстве характеризуется трансформация социальной роли и функций ученого, форм и содержания его деятельности в исследуемый период в соответствии с социальным запросом к профессии.

В **первом параграфе** исследуется специфика изменения характера и способов презентации научного знания, публикационной активности научного сообщества с точки зрения ее соответствия «мобилизационной» установке эпохи. Делается вывод о том, что в исследуемый период была не только перестроена инфраструктура (так, в книгоиздании частное предпринимательство уступило место новым организационным формам государственного книжного дела), но и изменены тематика (в приоритете у издателей оказались практикоориентированные, прикладные исследования), а также язык научного творчества и формы презентации результатов научного исследования (они должны были стать понятными и доступными для широких слоев населения). Публикационная активность ученых приобрела особые, специфические черты и отразила ответ научного сообщества на социально-политический запрос на изменение роли и функций науки.

Во **втором параграфе** ставится вопрос об изменении публичной функции научного сообщества и отдельного ученого. Делается вывод, что задача популяризации результатов научного труда привела к изменению риторики («упрощению» научного языка, адаптированию его к читательской аудитории); практик ее презентации (например, появлению научно-популярного кинематографа). Просветительский импульс, безусловно, имел истоки в дореволюционной традиции. С другой стороны, публичный характер науки формировался встречным социальным запросом тех лет: о нем свидетельствует взлет популярности научно-фантастической литературы, – особенно в период НЭПа, времени активизации деятельности частных и кооперативных издательств. Тесное переплетение общественной просветительской инициативы, государственной политики, фактора литературного рынка (читательского запроса) формировало специфику изменения публичного измерения науки и роли ученого в определении его векторов развития.

В **третьем параграфе** характеризуются практики и формы презентации и популяризации достижений советской науки за рубежом. Исследование показало, что задача интернационализации научного знания и популяризации достижений отечественной науки была скорректирована «патриотической»

тенденцией, связанной с замыканием науки в ее национальных границах. На деле это вело к сокращению отечественного научного присутствия за рубежом (особенно в сфере социальных и гуманитарных наук). Косвенным следствием этой динамики стало то, что научные работники частично утратили, а некоторые так и не приобрели ценный навык профессионального владения иностранным языком (особенно в условиях изменения организационного языка науки – перехода от немецкого к английскому во второй половине XX в.). Эта тенденция, хотя и была в той или иной степени характерна для всех национальных сообществ в указанное время, оказалась трудно преодолима.

В заключении изложены выводы исследования.

Исследуемый период можно характеризовать как время структурных изменений научного сообщества: трансформировались его количественные и качественные характеристики, в том числе важнейшие – социально-демографическая структура. В условиях квалификационного вакуума, когда оказались отменены прежние иерархизирующие и структурирующие принципы, научное сообщество существовало по сути в условиях относительной разбалансированности и нестабильности, отвечая самоорганизацией (системой корпоративных механизмов, неформальных норм и правил функционирования) и практиками адаптации (различной степени интенсивности) на пертурбационные перемены.

Вследствие декларируемых государственных установок на поддержку науки в 1920-е гг. – середине 1930-х гг. научное сообщество де-юре было обособлено в составе населения как привилегированная профессиональная группа. Научные работники оказались охвачены особой системой обеспечения, поддерживающих и мотивирующих выплат, привилегий социального характера, юридически закрепленных льгот и прав. В совокупности это формировало образ «советского ученого», разрекламированный на страницах периодических изданий, художественной литературы и в игровом кинематографе. Проблема заключалась в трудностях реализации юридических положений на практике вследствие многократного

увеличения числа научных работников, неравномерности территориального распределения ресурсов, местного бюрократизма и т.д.

Хотя ученые и являлись привилегированной категорией населения, внутри этой социальной группы действовали дифференциация и система фильтров. Научное сообщество функционировало в указанный период как статусная, иерархическая группа, конкурентная внутри собственного научного поля. Это было связано с квотированием – ограниченным числом вакансий для научных работников как на горизонтальном (между разными районами), так и вертикальном (для каждого разряда и, позднее, категории) уровнях. При выявлении факторов, влиявших на статусную позицию ученого в научной иерархии, были проанализированы индикаторы политической лояльности и социального происхождения ученых; документально подтверждена гипотеза о поддержке старых, дореволюционных научных кадров (в условиях отсутствия достаточного количества марксистски ориентированных и лояльных режиму специалистов).

В условиях этатизации отечественного научного пространства, превращения государства в единственный источник финансирования/обеспечения и естественной ограниченности его ресурсов конкурировали между собой не только отдельные научные работники, но и их исследовательские коллективы и целые институты. Учеными в указанные годы была предложена серия коллективных проектов, вполне вписывавшихся в контекст новых политических задач, идеи некоторых из них разрабатывались еще до 1917 г. Изучение механизмов и особенностей поддержки научных инициатив в постреволюционные годы позволило маркировать приоритеты и специфику государственной поддержки науки. Однако охарактеризовать специфику штатных и инфраструктурных изменений в структуре научных организаций и выявить возможности реализации установок власти на практике оказалось возможно на примере обследования работы конкретных учреждений, созданных в указанные годы. Пример ограниченности государственного регулирования иллюстрирует конкретный

институциональный кейс – исследование созданного в начале 1920-х гг. образовательного учреждения – Института Красной профессуры.

Системный и структурный характер изменений, в конечном итоге, трансформировал суть и функциональное наполнение самого понятия «ученый»: в первые постреволюционные десятилетия, во многом под влиянием технологической риторики, появляется и особое семантическое наполнение получает термин «научный работник», апеллирующий к коллективному характеру труда и его функциональному наполнению. Роль руководителя-научного лидера в этот период также меняется. Его интересы во многом определяли характер и направления деятельности научного коллектива. С другой стороны, именно руководитель устанавливал и поддерживал контакты с властью, добивался финансирования, защищал своей научной репутацией реализуемые в его ведении проекты, принимал на себя ответственность за социальное и экономическое положение своих учеников и сотрудников. Проблема заключалась в том, что порой сильные позиции того или иного сообщества удерживались только именем (научной репутацией) научного лидера и системой выстроенных им клиент-патронских отношений и рушились в момент его отстранения.

Особые специфические черты в исследуемый период приобрел процесс презентации научного знания и научных результатов. Его специфика была обусловлена мощным социальным запросом на популяризацию науки, проявившимся в исследуемые годы в росте читательского интереса к научно-фантастической и прогностической литературе. Под читательскую аудиторию были изменены тематика, язык научного творчества и формы презентации результатов научного исследования. Итогом стало по сути формирование стандарта научно-популярной литературы, а также появление новых практик – например, «культурфильмов», авторами сценариев и консультантами которых выступали именитые ученые. Эта тенденция совпала не только с государственной установкой, но и с общественным запросом.

В этом отношении проявились и негативные последствия. Наиболее заметным изменением стал отказ от «международного» научного языка в пользу

языка «патриотического». В буквальном смысле это означало ограничение для научных работников возможности, а позднее – и способности к свободной профессиональной коммуникации на иностранном языке, что не могло не способствовать его исключению из мирового научного сообщества в части презентации результатов научных исследований.

Достигнутый уровень знаний об истории научного сообщества первых советских десятилетий позволяет по-новому изучить проблему его бытования в 1918-1934 гг., соотнеся полученные результаты с выводами и методологическими наработками зарубежной историографии, рассматривающей феномен советской науки, ее состав, характер и специфику не изолированно, а на фоне «параллельного» развития научных сообществ и дисциплин других стран. В этой связи результаты данного исследования будут способствовать, с одной стороны, обновлению исследовательского подхода и сутевых трактовок истории науки советского периода, с другой – изучению конкретного сюжета в рамках актуализированной в мировом научном пространстве тематики. Изучение имманентных характеристик советского научного сообщества на этапе его трансформации и адаптации к «мобилизационным переменам» является ключевым для понимания событий отечественной истории XX в., позволит раскрыть адаптационные механизмы современного научного сообщества к вызовам «большой науки» с учетом анализа предшествующего опыта.

Диссертационное исследование завершают **приложения**: 1) перечень таблиц и диаграмм; 2) роспись цитируемых изданий справочно-статистического характера.

Объем диссертационного исследования составляет 683 с., 31 п.л., она содержит 46 таблиц, 14 рисунков (диаграмм).

Основные результаты диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в научных изданиях, включенных в базы данных международного научного цитирования Web of Science и Scopus:

1. Долгова Е.А. Научное знание в революцию: издательства и книги на рубеже 1920-х гг. // Социология науки и технологий. 2019. № 3. С. 29–44.
2. Долгова Е.А. «“Одна профессура по социологии”»: Всероссийский конкурс и институционализация новой кафедры в Первом Петроградском университете в 1919 г. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. XXII. № 5. С. 86-101.
3. Долгова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов / Е.А. Долгова, Е.А. Стрельцова // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97-107.
4. Долгова Е.А. О биографии одного сталинского управленца: Ефим Абрамович Мильштейн // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 912–924.
5. Долгова Е.А. Московский психологический институт имени Л.Г. Щукиной в переписке Г.И. Челпанова и Э.Б. Титченера (1910–1924) // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 78-86.
6. Долгова Е.А. Преподавательское сообщество Института Красной профессуры в 1930-е гг. // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 4. С. 113–131.
7. Долгова Е.А. Педагогический институт социального воспитания и изучения нормального и дефективного ребенка В.М. Бехтерева (1921–1925): теоретическое и прикладное значение / Е.А. Долгова, Д.А. Хивинова // Психолого-педагогические исследования. 2018. Т. 10. № 2. С. 1-10.
8. «Понять чужую душу»: Фрагменты из неопубликованного труда историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева / подгот. Е.А. Долгова, А.В. Малинов // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 236-247.
9. Долгова Е.А. Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания: к 180-летию В.И. Герье: материалы круглого стола / Пружинин Б.И., Бендерский И.И., Воробьева О.В., Долгова Е.А., Малинов А.В., Микешина Л.А., Мотовникова

Е.Н., Ольхов П.А., Хвостова К.В., Щедрина Т.Г. // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 24-61.

10. Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. Логические предпосылки всякой методологии / подгот. Малинов А.В., Долгова Е.А. // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 319-365.

11. Долгова Е.А. «Смерть моя была бы громадной семейной катастрофой»: сюжеты из жизни «буржуазного» профессора в 1920-е гг. // Российская история. 2015. № 4. С. 77-89.

12. Долгова Е.А. Из истории одной инициативы: к 110-летию издания «Вестника психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» / И.В. Сидорчук, Е.А. Долгова // Вопросы психологии. 2014. № 5. С. 128-137.

Статьи в ведущих периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства науки и высшего образования РФ:

13. Долгова Е.А. «Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева и преподавание методологии истории в высшей школе: диахронический и синхронический контекст / А.В. Малинов, Е.А. Долгова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2019. № 3. С. 48-59.

14. «Вот все, что я могу сказать о предлагаемой работе»: Диссертационный диспут Ю.В. Кнорозова / подгот. Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова // Исторический архив. 2018. № 5. С. 29-53.

15. Долгова Е.А. На одном крыльце сидели племянник Достоевского, внук Пушкина // Родина. 2018. № 6. С. 114-117.

16. Долгова Е.А. Профессиональные статусы женщин – научных работников в 1930-е гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2018. Т. 39. № 1. С. 38-47.

17. Долгова Е.А. Институт Красной профессуры как «государственный» проект: 1921–1938 гг. // Серия: Политология. История. Зарубежное регионоведение. Международные отношения. Востоковедение. Вестник РГГУ. 2018. № 2. С. 39–52.

18. Долгова Е.А. Институт Красной профессуры (1921–1938): финансирование и инфраструктура // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 3(43). С. 419-428.
19. Долгова Е.А. Квартирный вопрос для красной профессуры // Родина. 2017. № 8. С. 122–125.
20. Долгова Е.А. Конфликт vs сотрудничество в советской науке 1930х гг.: статусы, привилегии и партийность // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 1 (7). С. 19-27.
21. Долгова Е.А. «Научная работа в эпоху революции»: Московский психологический институт в 1914-1923 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 3 (9). С. 30-40.
22. Долгова Е.А. Источники по истории региональных научных кадров в 1920-е гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 4. С. 191-200.
23. Долгова Е.А. «Эмигрантское прошлое»: исследования П.А. Сорокина по рефлексологии социальных групп в 1920-е гг. // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 2 (30). С. 236-242.
24. Неизвестный труд Н.И. Кареева «Два новых научных труда по социологии»: [рецензия на работу К.М. Тахтарева «Наука об общественной жизни»] / автор вступительной статьи, подготовка текста, комментирование Е.А. Долгова // Социологический журнал. 2015. № 1. С. 78-100.
25. Неизвестный труд Н.И. Кареева «Два новых научных труда по социологии»: [рецензия на работу П.А. Сорокина «Система социологии»] / автор вступительной статьи, подготовка текста, комментирование Е.А. Долгова // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 90-120.
26. Долгова Е.А. Об одной «стратегии» социальной адаптации «старой профессуры» в 1920-е гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 1 (123). С. 188-193.

27. Долгова Е.А. «Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева (1850-1931) // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6. № 2. С. 185-198.
28. Долгова Е.А. Документы о деятельности Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского (1916-1923) // Клио. 2013. № 12 (84). С. 67-70.
29. Долгова Е.А. «Свое право писать ... я обосновал на нашем товариществе по науке»: деятельность Н.И. Кареева в Комитете по оказанию помощи русским в Германии. 1914 // Исторический архив. 2013. № 3. С.126-136.
30. Долгова Е.А. Роль и функциональные особенности истории в системе гуманитарного знания в работах Н.И. Кареева // На пути к гражданскому обществу. 2013. № 1-2 (9-10). С. 90-96.

Монография:

Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914-1931 гг. / автор-составитель. Е.А. Долгова. М.: РОССПЭН, 2015. 512 с.

Статьи в других научных изданиях:

1. Долгова Е.А. Власть, ЦеКУБУ и творческая интеллигенция в социально-экономических обстоятельствах 1920-х гг.: позиции, статусы, декорации // Обсерватория культуры. 2018. № 15(1). С. 119-127.
2. Долгова Е.А. Философия в Институте Красной профессуры (1921–1938 гг.): институциональное оформление, методика преподавания, слушатели, профессура // История философии. 2018. Т. 23. № 2. С. 81–94.
3. Долгова Е.А. Была ли наука коммунистической? Из статистики научных кадров, 1929-1937 гг. // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 1. С. 113-124.
4. Долгова Е.А. Изучение социальной проблематики в лаборатории коллективной рефлексологии Института мозга и психической деятельности В.М. Бехтерева // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 3. С. 25-31.

5. Долгова Е.А. Научные работники в массовой документации Центральной комиссии по улучшению быта ученых: от персональных документов к статистическому обследованию // История науки и техники: источники, памятники, наследие: Третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники, Москва, 15-17 октября 2019 г. М.: Комиссия РАН по изучению наследия выдающихся ученых, 2019. С. 439-442.
6. Долгова Е.А. «Восьмидесятилетних юбилеев не бывает»? : пять памятных дат жизни Н.И. Кареева, 1917-1931 гг. // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): Мат-лы Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск: Изд-во ТомГУ, 2019. С. 143-148.
7. Долгова Е.А. О неизданной работе Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922) // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов. М.: РОССПЭН, 2019. С. 14-46.
8. Хроника основных событий жизни и творчества Н.И. Кареева / составители В.А. Филимонов, Е.А. Долгова // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов. М.: РОССПЭН, 2019. С. 122-127.
9. Указатель исходящей корреспонденции Н.И. Кареева, 1914-1931 гг. / состав. Е.А. Долгова // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов. М.: РОССПЭН, 2019. С. 127-165.
10. Долгова Е.А. Евреи в советском научном сообществе 1920-1930-х гг. // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сборник документов конференции, Казань, 2-6 июля 2019 г. Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 367.
11. Долгова Е.А. Корпоративные сети и иерархия советского научного сообщества 1920-х гг. // Наука и техника: вопросы истории и теории: Материалы XXXIX Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН. СПб.: Изд-во ИИЕТ РАН, 2018. С. 104-105.

12. *Долгова Е.А.* Институт Красной профессуры (1921-1938): от революционной идеи к практике воплощения // Уроки Октября и практики советской системы. 1920-1950-е гг.: Материалы X международной научной конференции. М.: РОССПЭН, 2018. С. 216-225.
13. *Долгова Е.А.* Институт Красной профессуры как инвестиционный проект // Советский проект. 1917-1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2018. С. 442-453.
14. *Долгова Е.А.* Научная фантастика и научная практика: в поисках «революционной науки» / Е.А. Долгова, В.В. Слискова // Стены и мосты - VI: практика междисциплинарных исследований в истории. М.: ИЦ РГГУ, 2018. С. 166-179.
15. *Долгова Е.А.* «Проектная наука»: ученые и механизм государственной поддержки научных инициатив в постреволюционные годы // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2017. С. 405-416.
16. *Долгова Е.А.* Научное сообщество в условиях «мобилизационных» перемен: адаптация к не-политическим факторам // Социокультурные ресурсы человека как способ активной адаптации: поведенческие стратегии в условиях социального стресса. М.: ИЦ РГГУ, 2017. С. 96-110.
17. *Долгова Е.А.* Статусные позиции женщин в научном сообществе 1920-х гг. // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: Материалы X международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2017. С. 50-53.
18. *Долгова Е.А.* Случай Маслова-Дорогостайского или об ученых степенях и званиях на антибольшевистских территориях в 1919 г. // Наука и техника: вопросы истории и теории: Материалы XXXVIII Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН. СПб.:

Изд-во Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2017. С. 241-242.

19. Долгова Е.А. Дифференциация научного сообщества в 1920-е гг. // «Стены и мосты» - V: междисциплинарное взаимодействие исторического знания с естественными и социально-гуманитарными науками: Сборник по итогам V международной научной конференции. М.: ИЦ РГГУ, 2017. С. 171-184.

20. Долгова Е.А. Профессиональные статусы и неравенство в научном сообществе в 1920-е гг. // Культура и власть в СССР. 1920-1950-е гг.: Материалы IX международной научной конференции. М.: РОССПЭН, 2017. С. 438-447.

21. Долгова Е.А. Преподавательницы Института Красной профессуры в 1937 г. // Российские женщины-ученые: наследие: коллективная монография. М.: Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2017. С. 159-166.

22. Долгова Е.А. «Коммунистическая наука»: о некоторых кадровых подсчетах в 1929 г. // «Стены и мосты»-IV: междисциплинарные исследования в истории: Материалы международной научной конференции. М.: Академический проект, 2016. С. 202-209.

23. Долгова Е.А. Структура и кадровый состав региональных отделений Академии наук СССР в 1920-30-е гг. (на материалах обследования научных учреждений Белорусской ССР) // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2016. № 1. С. 154-165.

24. Долгова Е.А. «Начинаю ходатайство о выезде за рубеж»: о планах П.А. Сорокина в 1922 г. // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сборник научных трудов. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 254-258.

25. Долгова Е.А. Учет научных кадров в 1920-е гг. (на примере справочника «Наука и научные работники СССР») // Творческое наследие В.О. Ключевского в истории, культуре и литературе: материалы VI международной научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения выдающегося историка В.О. Ключевского. Пенза, 2016. С. 76-80.

26. Долгова Е.А. История одной защиты: профессорский диспут П.А. Сорокина в 1922 г. // «Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях» – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности: Материалы Международной научной конференции. М.: Академический проект, 2015. С. 201-207.
27. Долгова Е.А. Об интеграционной тенденции в российской гуманитаристике первой четверти XX в. // «Стены и мосты – II»: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной конференции. М.: Академический проект, 2014. С. 128-138.
28. Dolgova Evgeniya A. "La ciencia revolucionaria": los proyectos científicos y experimentos en el Instituto de estudios del cerebro y la actividad psíquica de Vladimir Bejterev (1918-1923) // 100 Years Since the Russian Revolution: Book and Abstracts. Granada (Spain), 2017. С. 35-37.

Долгова Евгения Андреевна
Советское научное сообщество 1918-1934 гг.:
социальный, институциональный, публичный аспекты
Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук

Подписано к печати __.__.____. Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная.

Печать ризографическая. Усл.п.л.1. Тираж 100 экз. Заказ №

Дата сдачи в печать _____ -

Отпечатано в _____